

УДК 332.021

Г.И. Иванчин*старший преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «НАЦИЯ»
С СЕРЕДИНЫ XIX В. ДО КОНЦА XX В.**

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «нация» с середины XIX в. до конца XX в., коннотации этого термина в исторической ретроспективе, начиная с эпохи Средних веков, идея создания самостоятельной научной дисциплины – нациологии. Особое внимание уделяется подходам, в которых все рассмотренные модели типологизации нации аккумулированы в двух принципиально различных теоретико-методологических направлениях: примордиалистском и конструктивистском, часто называемым модернистским.

Начало XXI в. должно было стать примером успешности глобализационных тенденций и стратегий, наиболее ярко проявляющихся в экономике, культуре, информационной сфере, но проблема национального получила «второе дыхание» практически во всех регионах мира, что является естественной реакцией национальных макросообществ на угрозу утраты национальной идентичности. В связи с этим важным представляется обращение к теории нации, изучение основных подходов к определению нации и коннотации этого термина в исторической ретроспективе.

Вопрос «*Qu'est-ce qu'une nation?*» («Что такое нация?»), заданный в Сорбонне 11-го марта 1882 г. Эрнестом Ренаном, до настоящего времени не получил однозначного ответа. Все дефиниции нации имеют одну основу: она является человеческим сообществом. Но расхождения во взглядах настолько велики, что некоторые исследователи вообще отказываются от попыток дефинирования. Один из самых известных специалистов в области национальных проблем Ганс Кон утверждал: «Ее (нации – Г.И.) точное понятийное определение невозможно. Национальность является историческим и политическим понятием, а слова «нация» и «национальность» пережили уже немало изменений значений» [1, с. 4]. Своего рода итог попыток дефинирования наций подводит Элиас Канетти: «Стараются найти определение национального как такового: нация, говорят, это то-то и то-то. Верят, будто бы дело в том, чтобы найти правильное определение. Стоит его найти, и можно будет применить его сразу ко всем нациям. Берут в качестве основы язык, или территорию, или литературу, или историю, или способ правления, или так называемое национальное чувство, – и в любом случае исключения оказываются важнее, чем правило. Кажется, ухватил что-то живое за свободный кончик случайного одеяния, но оно легко сдергивается, и ты опять остаешься с пустыми руками» [2, с. 183]. Польский историк Б. Зентара выделил две, с его точки зрения, главные причины трудностей, связанных с определением понятия «нация». Это, во-первых: «несовершенство терминологии, связанной со всей национальной проблематикой. Слова “нация”, “племя”, “национальность”, “народ”, употребляемые для определения различных этнических общностей, сами имеющие богатое историческое прошлое: не были придуманы учеными, но жили тысячи лет в устах людей, не ищущих терминологической точности. К тому же не только границы понятий, связанных с этими терминами, размыты, но слова с тем же самым происхождением могут в различных средах и исторических контекстах получить различное значение» [1, с. 4]. И во-вторых: «Принадлежность ученого к конкретной политической группировке или симпатизирование данному политическому направлению часто решало той либо иной дефиниции нации; тем более это касалось политиков, часто выступающих в диспутах теоретического характера» [1, с. 4]. Вторая причина еще раньше рассматривалась польским социологом Ю. Халасиньским, который писал следующее: «Эта многозначность (с определениями нации – Г.И.)

имеет источник не в кабинетах логиков и методологов, но в практической политической жизни, в общественных движениях, которые пользуются этим термином в разных смыслах, соответственно своим потребностям» [3, с. 36]. Еще одной очень важной причиной следует выделить «мозаичный метод изучения наций» [4, с. 16], т.е. отсутствие специальной научной дисциплины, которая, систематизировав накопленный за много десятилетий опыт междисциплинарного исследования проблем нации, смогла бы выработать целостное знание об этом феномене. Этнология, этнография, философия, социология, история, политология и другие науки не рассматривают национальную проблематику в комплексе ее богатейшего содержания, а исследуют утилитарно необходимые для себя аспекты этого явления. Конец XX в. дал миру феномен «национального ренессанса», который и в XXI столетии является альтернативной глобализации парадигмой существования народов. Не имея принимаемого большинством исследователей нации определения, нельзя делать вывод о ее иллюзорности или отсутствии (даже трактовка Б. Андерсоном нации как «воображаемого сообщества» подразумевает ее существование, хотя и не в общепринятых категориях). Британский ученый Х. Сетон-Уотсон считал, что «никакая “научная дефиниция” нации не может быть придумана; все же феномен существовал и существует» [5, с. 5]. Во второй половине XX – начале XXI вв. появились новые работы по национальной проблематике, которые могут стать серьезной научно-методологической основой для конституирования новой научной дисциплины или направления в уже существующих. Ряд ученых (О.И. Бочковский, М.И. Обушный, Г.В. Касьянов) предложили создать специальную науку – нациологию, которая комплексно изучала бы феномен нации. Другие (П. Манчини, Э. Ренан, О. Бауэр, Б. Андерсон, Э. Геллнер, К. Дейч, Э. Смит, Э. Хобсбаум, Е. Вятр, Ф. Знанецкий) продолжили традицию изучения нации в рамках разных социально-гуманитарных дисциплин.

Рефлексия над понятием «нация» возможна только при условии решения вопроса «терминологического хаоса», как его определил О.И. Бочковский [4, с. 15]. Терминология по данному вопросу взята из классической латинской литературы. Ее образовывали понятия «gens», «natio» и «populus». Этимологически «natio» и «gens» произошли от глагола «рождаться» и означали потомство, т.е. первоначально они определяли общности кровного происхождения. Л. Ребет, исследуя происхождение этих понятий, пришел к выводу, что «слово “нацио” употреблялось в латинском языке одинаково к людям и животным и значило то же самое, что и раса, порода, племя» [6, с. 7]. В период республики словом «gentes» первоначально определялись патрицианские роды. Со временем термины «natio» и «gens» охватили более широкие этнические группы. Римляне конца республики и империи словами «gentes» и «nationes» называли варварские племена, не имеющие государственности, а себя же называли «populus». «В этом случае элементом, цементирующим общество, не было – как у варваров – общее происхождение, но государственная организация» [1, с. 20].

Это противопоставление цивилизованного «populus Romanus» и варварских «nationes» и «gentes» переняли из наследия классического Рима раннехристианские писатели. Так, в латинском тексте Библии термин «populus» использовался для христиан, а «nationes» и «gentes» для язычников. Греческий текст Евангелия содержал слово «ляос» для обозначения христианского либо еврейского народа и «этне» применительно к язычникам. Проанализировав ряд произведений писателей латинского средневековья, Б. Зентара делает вывод, что они «использовали для определения этнических общностей термины “gens” и “natio”, веря, что их члены объединены, прежде всего, общим происхождением, а на втором месте – языком, обычаями и образом жизни» [1, с. 23].

В эпоху раннего средневековья произошло терминологическое выравнивание и цивилизованных «populi» и варварских «gentes» и «nationes». Термин «populus» стал распространяться в значении народа, противостоящего власти и в целом аристократии.

В средневековых университетах студенты делились на «нации» по территориальному принципу. В Парижском университете существовали следующие нации: французская, нормандская, пикардийская и английская. Три первые, очевидно, охватывали студентов с территории Франции (французская нация – студенты из Иль-де-Франс), а четвертая – всех иностранцев; с уменьшением численности англичан в Париже четвёртая «нация» сменила название и стала «немецкой». Университет в Болонье имел две «нации»: цитрамонтанцев (итальянцев) и ультрамонтанцев (иностранцев). В Праге также существовали четыре «нации»: баварская, саксонская, чешская и польская.

По примеру университетов церковь стала проводить деление духовенства на «нации» при проведении Вселенских Соборов. Уже на Соборе в Лионе 474 г. Римский Папа вел переговоры с кардиналами по национальным группам, созданным на чисто административной основе. Это было следствием попыток монархии получить влияние на церкви своих территорий. Собор в Констанце (1414–1418), на котором участники голосовали не индивидуально (как этого требовало господствующее со средневековья убеждение об универсальности христианского мира), а по критерию нации. Этот Собор утвердил деление участников по национальному критерию. Вместе с тем ряд провинций Империи (Савойя, Лотарингия и Прованс) по языковому принципу вошли в состав французской нации.

Для Нового времени характерна общая тенденция относить слово «нация» к политически активной части населения, к высшим слоям как носителям силы и славы. Низшие слои, силой обстоятельств политически пассивные, назывались народом. Только в противопоставлении к другим народам население данного государства выступало как цельная единица, причем, очевидно, относительно принципа, что подлинным представителем народа являются монархии и дворянство.

В годы Великой Французской революции конца XVIII в. термин «нация» стал означать страну, государство и народ как нечто единое. Таким образом, произошла смена известной еще с древности иерархии понятий «народ» и «нация». Именно с Французской революции слово «нация» означает в противоположность к слову «народ» высшую ступень бытия общества.

Значительный научный интерес представляет типология дефиниций нации, которую предложил польский социолог Е. Вятр. В существующих определениях нации (до конца 1960-х гг.) он выделил две основные группы: генетическую и структурную. «Первую (группу – *Г.И.*) образуют дефиниции, в которых нация определяется указанием на факторы, которые сложились к ее образованию. В точном смысле слова такие определения не являются «дефинициями», но трактовка их как таковых обусловлена обстоятельством, что во многих теоретических работах ... в роли дефиниций выступают именно такие определения. ... Вторую группу дефиниций образуют те, которые определяют нацию через указание на какие-то ее признаки, которые («всегда» либо «вообще») должны характеризовать общественную группу, называемую нацией» [7, с. 184]. Далее в рамках структурного типа определений Вятр различает четыре подгруппы дефиниций, определяющих нацию в зависимости от того, при использовании каких признаков нация дефинируется: 1) в категориях материальных признаков; 2) в политических категориях; 3) в культурных категориях; 4) в категориях сознания [7, с. 184]. Вместе с тем ученый признает, что в рамках «каждого из этих типов можно выделить подварианты в зависимости от признаков, на которые авторами сделан главный упор, либо также от выступающих в литературе комбинаций признаков» [7, с. 184]. Генетические дефиниции определяют нацию как продукт истории и включают три базисных тезиса: 1) нация является результатом общих исторических судеб; 2) нация является общностью, сформированной на основе определенных признаков, общих для национальной группы; 3) на-

ция является результатом общих исторических судеб, проявляющихся в национальном чувстве [7, с. 185–186].

Вышеназванные типы дефиниций делают упор на то, что нация является продуктом исторического развития. Иногда следом за таким определением идет только описание и анализ конкретного нациетворительного процесса. В другое время ищутся особенные признаки, которые созданы в течение этого развития и составляют атрибуты нации. Особым вариантом этого подхода является предположение, что в национальном сознании (определенном с опорой на те или иные критерии, чаще всего на критерий отношения к государству или государственной идее) отражается степень зрелости процесса образования нации. Определения третьего типа генетической дефиниции придают другой смысл сознанию, чем объективным особенностям нации, потому что они являются либо факторами, делающими возможным образование нации, либо признаками, произведенными в течение развития нации, а сознание есть признаком того, что нация уже сформировалась.

Структурные дефиниции образуют наиболее сложный комплекс определений. В частности:

1. Дефиниции нации как явления с определенными материальными признаками:

- а) нация есть общность, конституированная через материальные признаки;
- б) нация – общность с определенными материальными чертами и с определенными чертами сознания; в дефиниции не делается иерархизация важности этих признаков [7, с. 187].

Различая эти два типа дефиниций нации, указывающих на определенные материальные признаки нации (территория, экономика и др.) или в связи с сознанием, или без него, совсем не подлежит сомнению, что в других дефинициях материальные факторы никакой роли не играют. Однако характерной чертой этой группы дефиниций есть то, что материальные признаки выступают здесь как самостоятельные или всегда присутствующие (но самое меньшее равноценные с другими) особенности нации.

2. Дефиниции нации как политической единицы:

- а) нация есть совокупность граждан государства;
- б) нация является сущностью государства и других политических институтов, их содержанием;
- в) нация есть осознанная политическая общность [7, с. 188–190].

Точнее других о сущности дефиниций этих типов написал американский теоретик Карл Дейч: «В век национализма национальностью является народ, который оказывает давление в направлении получения определенной степени действительного контроля над сохранением своих членов. Это народ, стремящийся к наделению себя властью, каким-то достаточно сильным инструментом принуждения, чтобы сделать возможным обеспечение повиновения его приказам в необходимой для этого степени, чтобы способствовать распространению обычаев добровольного подчинения этим приказам. ...Какими бы ни были эти инструменты власти, они используются для усиления и усовершенствования тех общественных каналов коммуникации, ...которые все вместе образуют общественную структуру национальности. ...Во всех этих случаях национальность преобразуется в нацию тогда, когда получает власть для обоснования своих стремлений. В конце концов, если националистически мыслящие члены нации достигают успеха и новая либо старая государственная организация становятся к их услугам, тогда, наконец, нация становится суверенной, а нация-государство начинает свое существование» [8, с. 78–79].

3. Дефиниция нации как культурного явления:

- а) нация – это сообщество людей пользующихся одним языком;
- б) нация – это сообщество, участвующее в определенных культурных ценностях;

в) нация – это исторически сформированное сообщество характера [7, с. 192–196].

4. Дефиниция нации как сообщества чувства:

а) нация является духовным союзом людей, осознающих себя общностью;

б) нация – общность чувства, стремящаяся конституироваться в государство [7, с. 197–200].

При всем многообразии дефиниций, приведенных в типологии Е. Вятром, следует отметить, что определенные принципиальные элементы повторяются довольно часто. Признаки нации, выступающие в различных дефинициях, можно поделить на две группы. К первой принадлежат признаки, относительно часто выступающие в дефинициях как своеобразные черты нации, позволяющие ее отличать от других сообществ. К другой можно отнести сопутствующие признаки, которые либо должны разъяснять, почему и как образовались черты первой группы, либо также могущие служить отличительным признаком одной нации от другой. Первую группу, по мнению Вятра, образуют: сознание бытия нации, воля бытия нации, определённые культурные ценности, своеобразный национальный характер и общность литературного языка. Вторая группа включает территорию, экономический уклад, политические институты (прежде всего государство), в определённых обстоятельствах религию, расовое или этническое происхождение. Здесь же иногда выделяется общность исторических судеб. Исследователь отмечает, что эти черты (вторая группа), по мнению многих авторов, могут, но не должны выступать в качестве атрибутов нации [7, с. 202–203]. Следует уточнить, что большинство дефиниций, рассмотренных учёным, принадлежат представителям различных западных научных направлений, которые анализировали понятие «нация» прежде всего в категориях «сознание», «воля», «характер» и т.д. с учетом значения других факторов (в данном случае образующих вторую группу).

Е. Вятр, представитель марксистской социологии, показал и своё понимание вопроса. По его мнению, нация – это «исторически сформировавшаяся устойчивая общность, появившаяся на почве общих исторических судеб, общего товарного хозяйства и общих политических институтов, характеризующаяся существованием государственного сознания, основного составляющего группового сознания» [7, с. 207]. Настоящая дефиниция является своего рода синтезом разных научно-методологических направлений в социогуманитарном знании. Такие составные компоненты определения, как «общие политические институты» и «государственное сознание», являются «прорывом» из господствовавшей в Восточной Европе 60-х гг. XX в. марксистской модели национальной проблемы, в которой абсолютизировались сталинские определения нации и незаслуженно игнорировались идеи Э. Ренана, О. Бауэра, К. Реннера, да и самих К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина (их идеи о роли государства в формировании нации). Свою дефиницию Вятр распространяет не на какую-либо конкретную нацию, а на нацию «вообще». Он пишет: «Определение, предложенное мною, содержит только то, что присуще всем нациям и что характеризует национальную общность как таковую» [7, с. 207].

Через 30 лет после выхода работы Е. Вятра другой польский социолог Е. Шацки, отмечая слабую теоретическую разработанность проблемы нации, осуществил критический анализ «объективных» и «субъективных» дефиниций нации. Создатели первых стремились перечислить прежде всего те признаки коллективов, называемых нациями, которые принадлежат им независимо от того, обладают ли члены этих коллективов сознанием их существования и своей к ним принадлежности. Наличие этих признаков должно было быть источником и основой такого сознания либо должно было обязательно сопутствовать ее манифестации. Однако сложность «объективного» дефинирования дала основания Шацкому сделать вывод о том, что «в каждую “объективную” дефиницию, в сущности, следовало бы вставить выражение “вообще”, “в большинстве случаев” либо “часто”, а также добавить, что “в определённых случаях” особенно боль-

шую роль играют какие-то другие факторы, опущенные в большинстве дефиниций (например, религия, которая в случае некоторых наций не может быть опущена). Однако сомнительно, была ли бы многоценной спасенная таким способом дефиниция, и, вообще, была ли бы дефиниция, поэтому попытки создания “объективных” дефиниций уже давно происходят все реже» [9, с. 153].

Основная ошибка таких дефиниций, по мнению социолога, находится, прежде всего, в самой отправной точке, которой является дорефлексионное предположение, что реально существует определенное число коллективов того же самого рода, и речь идет попросту о том, чтобы их своеобразие описать таким же самым образом, каким описывается, положим, биологический род. При этом забывается как минимум о двух вещах. «Во-первых, о том, что полностью не исключено, что само слово “нация” означает в сущности очень разные коллективы, родовое подобие которых не является бездискуссионным (а, следовательно, равно демос, как и этнос, равно население государства находятся на пути к культурной унификации, как и культурная группа, только пытающаяся организовать в государство и т.д.); во-вторых, что применение названия “нация” в отношении многих коллективов вытекает время от времени не столько из необходимости названия уже существующей вещи, сколько из убеждения о необходимости создания такой вещи согласно идеологического образца, который возник в совершенно других условиях, под влиянием совершенно других общественных сил (история двух последних столетий доставляет неисчислимо примеров диффузии идеологических образцов бытия нации)» [9, с. 153].

Неудачи попыток построения «объективной» дефиниции нации привели к преобладанию среди исследователей сторонников «субъективных» определений, которые доказывают, что общим для всех без исключения наций является более или менее распространенное чувство их существования. Когда-то в этом контексте говорилось о «национальном сознании» и «национальном чувстве»; сегодня чаще говорится о «национальной идентичности». Но по существу речь идет о том же самом: если члены какого-либо коллектива сами себя дефинируют как нацию и сумеют склонить членов других коллективов к согласию на такую их дефиницию, то этот коллектив является нацией.

Уолкер Коннор пишет: «Сущность нации ...это дело самосознания. Много проблем, связанных с дефинированием нации, следует именно отсюда, что она есть группа, которая сама себя дефинирует» [9, с. 155]. Членов таким образом понимаемой нации не должно связывать ни этническое происхождение, ни государственная организация, ни язык, ни экономическая жизнь, ни что иное, что считается независимым от состояния общественного сознания, хотя, очевидно, такие факторы вступают в игру, как правило, как корреляты этого сознания.

Отмечая «современность» анализа нации в категориях «сознание» и «самосознание», Е. Шацки выделяет ряд проблемных вопросов для данной парадигмы: 1) не определены особенности национального сознания или, лучше сказать, национального чувства (слово «сознание» в данном случае очень сильное); нет четких различительных критериев национального и этнического сознания; 2) поскольку носителями сознания являются индивиды, а не коллективы, неизвестно, когда можно говорить о национальном сознании, если известно, что длительное время большинство индивидов не считали себя нацией, а идентифицировали себя по критериям религии, подданства и т.д.; 3) национальное сознание или чувство имеет много различных артикуляций, соответствующих различным существующим внутри нации политическим ориентациям [9, с. 158–160]. Рассмотрев «объективные» и «субъективные» дефиниции нации, Е. Шацки делает вывод, что ни одна из них не является разрешением проблемы и даже «нельзя быть уверенным, что какая-либо общая теория нации станет когда-нибудь возможна» [9, с. 161].

В современных исследованиях все приведенные модели типологизации аккумулярованы в двух принципиально различных теоретико-методологических направлениях: примордиалистском (от англ. «primordial» – «исконное», «исходное», «изначальное») и конструктивистском (часто называемым модернистским). Сущность примордиалистской парадигмы точно определил известный российский этнолог В.А. Тишков: «Для примордиалистов существуют и как бы совершают свой независимый от субъективного восприятия путь некие объективные общности с присущими им чертами в виде территории, языка, осознаваемого членства и даже общего психического склада» [10, с. 3]. Исходя из такого понимания проблемы, нация рассматривается как феномен, объективно существующий в мире, что исключает креативность субъективно-индивидуального начала. Человек в данной концепции выполняет функцию статиста, не могущего повлиять на нациообразующие процессы. К примордиалистам в современной науке следует отнести лишь небольшое число ученых-этнологов, использующих достижения социобиологии для решения проблемы. Украинский исследователь Г.В. Касьянов значительно расширил круг сторонников этой концепции за счет включения исследователей, акцентирующих внимание на культурных, лингвистических, географических, социально-психологических и других компонентах нации [11, с. 3].

Конструктивистская парадигма нации в широком смысле есть комплекс многочисленных «конструктивистских», «инструменталистских», «релятивистских» и т.п. теорий, выросших на почве бихевиоризма и прагматической философии и сильно различающихся между собой и в деталях, и по сути. Представляемая мозаика подходов дает основания сделать вывод о том, что нет единой конструктивистской теории, а есть ряд подходов к решению проблемы. Дж. Комарофф так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Конструктивизм – это не теория, а некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности. Под сенью конструктивизма скрывается целый ряд различных подходов» [12, с. 41]. В современной теории нации преобладает конструктивистский подход к ее пониманию.

Описанные в статье подходы к определению нации, идея создания самостоятельной научной дисциплины – нациологии – являются значимыми составляющими необходимой исследовательской работы по изучению феномена национального в условиях глобализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zientara, B. Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej / B. Zientara. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 436 s.
2. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М. : Ad Marginem, 1997. – 528 с.
3. Chałasiński, J. Kultura i naród. Studia i szkice / J. Chałasiński. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1968. – 620 s.
4. Бочковський, О. І. Вступ до націології / О. І. Бочковський. – Мюнхен : Україн. Техн.-Господар. Ін-т, 1991–1992. – 340 с.
5. Seton-Watson, H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism / H. Seton-Watson. – Methuen – London : University Printing House, Cambridge, 1977. – 564 p.
6. Ребет, Л. Теорія нації / Л. Ребет. – Львів : Всеукраїнський політичний журнал «Державність», 1997. – 192 с.
7. Wiatr, J. Naród i Państwo. Socjologiczne problemy kwestii narodowej / J. Wiatr. – Warszawa : Książka i wiedza, 1969. – 440 s.

8. Deutsch, K. W. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality / K. W. Deutsch. – Cambridge, Massachusetts and London, England : Massachusetts Institute of Technology, 1966. – 346 p.

9. Szacki, J. Kłopoty z pojęciem narodu / J. Szacki // Humanistyka przelomu wieków ; pod red. J. Kozielińskiego. – Warszawa : Żak, 1999. – S. 150–161.

10. Тишков, В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе / В. А. Тишков // Вопр. социол. – 1993. – № 1–2.

11. Струкевич, О. К. Українська ранньомодерна нація: історико-етнонаціологічні аспекти дослідження / О. К. Струкевич // Україн. істор. журн. – 2001. – № 5 (440). – С. 3–22.

12. Комарофф, Д. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX в. / Д. Комарофф // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М. : Наука, 1994. – С. 35–70.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2015

Ivanchin G.I. Nation: The main Approaches to the Definition of the term «nation» from the middle of the 19th century till the end of the 20th century

In this article the following points are covered: the main approaches to the definition of the term «nation» from the middle of the 19th century up to the end of the 20th century, connotations of this term in historical retrospect starting from the period of the Middle Ages and the idea of creating of such independent scientific discipline as Natiology. A special attention is given to the approaches, where all the considered models of typologization of nation are accumulated in two principally different theoretical and methodological directions. These are primordial and constructivist (or modernistic).